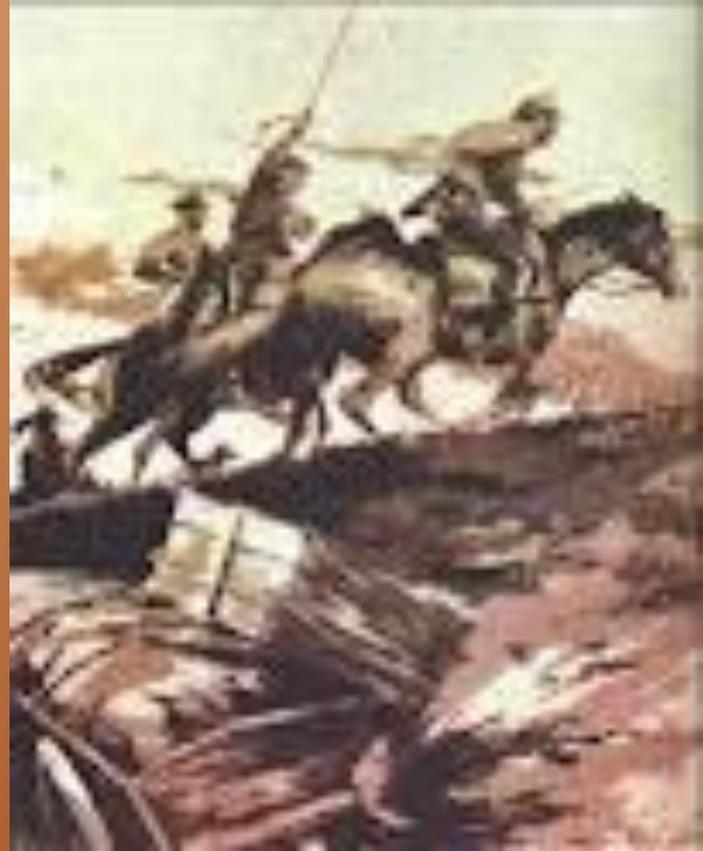

Первая мировая война в «Тихом Доне» М.А. Шолохова

Выполнила: Попова Саша 11
класс

Война – всенародное
бедствие.
Не сохами – то славная
землюшка наша
распахана...
Распахана наша землюшка
лошадиными копытами.
А засеяна славная
землюшка казацкими
головами,
Украшен – то наш тихий
Дон молодыми вдовами,
Цветен наш батюшка
тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом
Дону отцовскими,
материнскими слезами.

У Шолохова концепция войны точна и определена. Причины войны — социальные. Война преступна от начала до конца, она растаптывает принципы гуманизма. Он смотрит на военные события глазами трудового народа, к нелегкой судьбе которого прибавились новые страдания.

Если героем военного романа был чаще всего интеллигент — честный, страдающий, растерявший всего себя в боях, то у Шолохова миллионное население страны, которое обладает силой, способной решить свою судьбу, это сыны «всевыносящего русского племени» из станиц и хуторов. Война у Шолохова — всенародное бедствие, поэтому ее картинам соответствует мрачная символика: «По ночам на колокольне ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч с колокольни перелетел на кладбище, ископыченное телятами, стонал над бурными затравевшими могилами.

Худому быть, - пророчили старики, заслышав с кладбища сычинные выголоски...

-Война пристигнет».

«Война пристигла» как раз как раз в то время, когда народ был занят уборкой хлеба и дорожил каждым часом. Но примчался вестовой, и пришлось выпрягать коней из косилок и мчаться в хутор. Надвигалось роковое.

«Хуторской атаман лил масло радостных слов толпившимся вокруг него казакам:

-Война? Нет, не будет. Их благородие военный пристав говорил, что это для наглядности. Можете быть спокойными.

-Добриша! Как возвернусь домой, зараз же на поля.

-Да ить дело стоит!

-Скажи на милость, что начальство думает?..»

Захлебываются газеты. Торжественно говорят ораторы, а у мобилизованных казаков на митинге – «округленные глаза и квадратная чернота раскрытых ртов». Слова до них не доходят. Их думы – о другом:

«Полковник говорил еще, расстанавливая в необходимом порядке слова, пытался подпалить чувство национальной гордости, но перед глазами тысячи казаков - не шик чужих знамен, шурша, клонился к ногам, а свое буднее, кровное, разметавшись, кликало, голосило: жены, дети, любушки, не убранные хлеба, осиротелые хутора, станицы...»

«Через два часа погрузка в эшелоны. Единственное, что ворвалось в память каждому».

Шолоховские страницы резко обличены, их тон тревожен и не предвещает ничего, кроме страшного ожидания смерти: «Эшелоны...Эшелоны...Эшелоны несчетно! По артериям страны, по железным путям к западной границе гонит взбаламученная Россия серо-шинельную кровь».

Передовая фронта – сплошной ад. И всюду в произведении Шолохова проступает боль за землю: «вызревшие хлеба – топтала конница», «Там, где шли бои, хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды: ржавели в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали». А еще мучительнее была боль за людей. Русские волны трупами повисают на проволочных заграждениях. Немецкая артиллерия до корня выкашивает целые полка. Раненные ползают по жнивью. Глухо охает земля, «распятая множеством копыт», когда обезумевшие люди устремляются в кавалерийские атаки и плащмя падают вместе с конями. Не помогает казаку ни молитва от ружья, ни молитва при набеге. «Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родимой земли, но смерть пятнила и тех, кто возил с собой молитвы».

Первые удары шашки, первые выстрелы – все это остается в памяти у тех, кто совершал убийства.

Всего лишь месяц войны, а как изменились люди: Егорка Жарков грязно ругался, похабничал, все проклинал, Григорий Мелехов «весь как-то обуглился, почернел». Война калечит души, опустошает до самого дна. Фронтовики грубеют, опускаются. «В головной колонне наяривали похабную песню; толстозадый, похожий на бабу солдат шел сбочь колонны задом, щелкая ладонями по куцым голенищам. Офицеры посмеивались».

Жители прифронтовых мест мечутся, бегут с домашним скарбом. «Беженцы, беженцы, беженцы...»

- ▣ Казаки познают ту самую черту неизвестности между двумя неприятельскими войсками, о которой говорил Толстой и вспоминает в романе Шолохов, - черту, отделявшую живых от мертвых. Один из казаков записывает в своем дневнике, как он в то мгновение «слышал отчетливый хрипловатый шлепок немецких пулеметов, перерабатывающих этих живых людей в трупы. Два полка были сметены и бежали, бросая оружие. На плечах их шел полк немецких гусар».
- ▣ Поле недавней сечи. На прогалине в лесу – длинная стежка трупов. «Лежали в накат, плечом к плечу, в различных позах, зачастую непристойных».
- ▣ Пролетел самолет – сбросил бомбу. Из-под развороченного крыльца выползает Егорка Жарков – «дымились, отливая нежно розовым и голубым, выпущенные кишки».
- ▣ На Владимиро-Волынском и Ковельском направлениях в сентябре 1916 года применили французский способ наступления – волнами. «Шестнадцать волн выплеснули русские окопы. Колыхаясь, редая, закипая у безобразных комьев смявшейся колючей проволоки, накатывались серые волны людского приboя... Из шестнадцати волн

Такова страшная правда о войне. И каким кощунством над моралью, разумом, сущностью человечности казалось прославление подвига. Потребовался герой — и он появился. Кузьма Крючков якобы один убил одиннадцать немцев.

Герой нужен штабу дивизии, влиятельным дама и господам офицерам, императору. О Крючкове писали газеты и журналы. Его портрет был на пачке папирос.

Шолохов пишет: «А было так: столкнулись на поле смерти люди, еще не успевшие наломать рук на уничтожении себе подобных, в объявшем их животном ужасе натыкались, сшибались, наносили слепые удары, уродовали себя и лошадей и разбежались, испуганные выстрелом, убившим человека, разъехались нравственно искалеченные.

Это называли подвигом».

Критики говорили, что здесь подражание Толстому по мысли (антитеза) и синтаксису («разоблачительная» фраза, оформленная как периодическая речь). Да, сходство, несомненно, но шло оно не от внешнего подражания, а от совпадения во взглядах на ужасы, ложь, маскировку, парадные представления о войне. Но в то же время нельзя дело представлять себе так, будто, по мысли писателя, в той войне вообще не было подвигов. Они были. Значительной части народа казалось, что дело идет действительно о спасении Родины, славянства, что цель России — оказать помощь Сербии, укротить притязания германских милитаристов. Это вдохновляло фронтовиков и ставило их в очень противоречивое положение.

Главное внимание Шолохова сосредоточено на изображении неурядиц, которые принесла война России. Полуфеодальный режим, существовавший в стране, за время войны еще больше усилился, особенно в армии. Дикое обращение с солдатом, зуботычины, слежка... Фронтовиков кормят, чем придется. Грязь, вши... Бессилие генералов поправить дело. Бездарность и безответственность многих из командования. Стремление союзников выиграть кампанию за счет людских резервов России, на что охотно шло царское правительство.

Идея революции выношена и выстрадана «низами». Лагутин говорит Листницкому, что у его отца четыре тысячи десятины земли, а у других — нет ничего. Есаул озлился:

«— Вот чем начиняют тебя большевики из совдепа... Оказывается, недаром ты с ними якшаешься.

— Эх, господин есаул, пас, терпеливых, сама жизнь начинила, а большевики только фитиль подожгут...»

Так народ искал и находил выход из трагического тупика истории, вставая под большевистское знамя. «Тихий Дон» резко отличается от тех книг о мировой войне, герои которых, проклиная действительность, не в силах найти выход и впадают в отчаяние или примиряются. Роман и по сей день остается непревзойденной книгой о той страшной мировой катастрофе.

Ой ты, наш батюшка тихий Дон!

Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек
течешь?

Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!

Со дна меня. Тиха Дона, студены ключи

Тиха Дона, бела рыбица

